

Рефлексия на себя и других

Александр Шманай

НИ С ЧЕМ НЕ СРАВНИМАЯ ПОТЕРЯ

Я теперь могу только гадать, что же с тобой произошло, что послужило причиной твоего поступка? Обида и ненависть прошли. Пришла гораздо более тяжкая доля: мне нечем больше защититься. По сравнению с другими я хорошо знаю тебя. Думал, что знаю... Но мне и сейчас приходится отбиваться от теорий, проясняющих и связывающих все воедино. Все, что может дать ответ на вопрос «Почему?». Знаю почему, но не мог предсказать, никак не мог. И потому делаю вывод, что и не знал тебя вовсе... и во всем сомневаюсь.

Осенью тяжелее переносить приступы апатии. Небо повисает низко, начинает давить своей серостью.

В один из солнечных дней лета ты поделился своим наблюдением: сознание тождественно состоянию неба. Ты бы ни за что не сказал ничего подобного в хмурый день. Тот человек, которого знаю в тебе я, никогда не допускал заражения своей грустью других. Никогда не совершал поступков, которые бы являлись вымещением скопившегося яда (как бы я хотел, взять часть его и дать тебе возможность жить!).

Ты не давал никаких поводов для волнения за твое психическое благополучие. В последние годы ты стремился к полному изъятию себя из жизни других. Будучи скромным по натуре, ты приобрел... нет, не то что бы уверенность... Ведь уверенность обращена скорее вовне. Ты исчерпал всякую потребность во взгляде на себя глазами других, а с ней и необходимость производить впечатление.

Для меня подобная твоя особенность явилась поддержкой в собственной борьбе с удушьем. Беседы с тобой позволили понять, кто я такой, заставили поверить в ценность себя настоящего. За все время ты не сказал мне ни единого слова похвалы и ни разу не дал никакой другой оценки. Странно, что за это можно быть благодарным. Но это позволило мне научиться оценивать себя самому. С тобой мне приходилось быть более честным, чем даже наедине с собой. Я по-прежнему нуждаюсь в тебе. Именно поэтому я до сих пор не могу простить тебя.

Твое отчуждение было сознательным. Ты не хотел разделять с людьми их образ мыслей. Не хотел играть. Не хотел злиться, ревновать, оби-

жаться. Будучи неспособным справиться со своей «теневой» стороной, ты обратился в бегство от всех, кто мог бы испытывать к тебе какие-либо чувства. Ранее ты также был склонен к попыткам сливаться с другими. Но считал это слабостью. Похоже, ты так и не смог восполнить пустоту внутри, но искусственно преградил себе путь к осуществлению подобных попыток.

Это происходило на протяжении многих лет. И если бы не твой поступок, можно было бы счесть этот процесс просто линией развития, однажды заведенного и движущегося в становлении какой-то специфической твоей самости. Но теперь понятно, что шел ты к конкретной цели.

Не знаю, как и когда ты подцепил идею, подобную страшной болезни, – *тебе захотелось побыть на грани*. Идея росла, вытесняя все живое, отправляя тебя все дальше и дальше в отчуждение. Она доросла до такой степени, что ты перешагнул некий предел, который в корне изменил твоё мироощущение: появилась возможность закончить все в любую минуту.

Ты выбрал пистолет. Наверное, поначалу было страшно держать его при себе. Страшно сознавать, что одно нажатие на курок все прекратит... Но со временем компания орудия убийства стала для тебя наиболее привлекательной, внушала превосходство. Превосходство над самим собой, над своим страхом, над всякой человеческой слабостью.

Последние два месяца, находясь среди людей, ты был особенно задумчив. Будто прислушивался, наблюдал за погодой в своей душе. Наверное, хотел убедиться в отсутствии остатков жизни. И, верно, убедился.

Я уважаю тебя за смелость, за то, что ты пошел до конца. Но мне все-таки хочется думать, что был и другой путь. Можно покончить с собой разными способами: ради себя совершить самоубийство или начать жить ради других. Ты обладал силой осуществить и второй вариант. Но ты выбрал самоубийство.

Случившееся – ни с чем не сравнимая потеря.

